

кресенья”. Во-вторых, в архивах отсутствуют достоверные данные об операции “кровоавое воскресенья”, якобы организованной германской стороной. Более того, автор приводит сенсационные данные о том, что именно польские силы безопасности и стали инициаторами “резни в Бромберге”. В качестве доказательства Ястшембский приводит дневник начальника штаба 62-й польской пехотной дивизии майора Б. Рассальского, который тот вел в лагере для военнопленных в Пренцлау. Согласно записям Рассальского, еще накануне войны он получил распоряжение о проведении “зачистки” прифронтовой полосы в районе Бромберга от фольксдойче, чтобы предотвратить со стороны последних диверсии и теракты. Исполнение этой задачи было возложено на партизанские отряды, в состав которых входили как кадровые польские военные, так и не подлежащие призыву гражданские лица.

Таким образом, именно польские партизаны и были, по мнению Ястшембского, инициаторами истребления немецкого населения в Бромберге. “Из анализа акций по зачистке прифронтовой зоны от местных фольксдойче в начале сентября 1939 г. в Бромберге и его окрестностях ясно следует, что в них принимали участие не одни только мародеры, дезертиры и искавшие приключений юноши, но и дисциплинированные солдаты польской регулярной армии”, – делает вывод польский историк. Жертвами этой акции стали женщины, дети и старики из числа фольксдойче, которые не планировали никаких диверсий и антипольских акций (с. 174).

Автор пишет, что все документы, относившиеся к операциям польских иррегулярных формирований против фольксдойче, были засекречены и почти сразу же уничтожены их инициаторами, а приказы в большинстве случаев отдавались устно (с. 102). Эта точка зрения подтверждается отсутствием докумен-

тов о нахождении интернированных немцев (а также украинцев, белорусов, литовцев) в концентрационном лагере Береза-Картузская в сентябре 1939 г.

Пятая глава исследования обобщает факты о “зачистках” прифронтовой полосы от проживавших там этнических немцев и потенциальных диверсантов (с. 147–173).

Книга Ястшембского произвела в Польше эффект разорвавшейся бомбы; она вызвала волну критики, в частности, сотрудников Института Национальной Памяти Польши Т. Хициньского и П. Коссинского, которые опубликовали сборник документов и материалов, посвященных событиям 3–4 сентября 1939 г. в Бромберге. Эти историки упрекают Ястшембского в избирательном подходе к источникам, что делает его выводы недостаточно аргументированными⁵. Монография Ястшембского является ответом на эту критику.

Следует признать научную и гражданскую смелость историка, не побоявшегося публично отказаться от своих прежних выводов и фактически в одиночку выступить против устоявшейся в польской историографии точки зрения. Разумеется, далеко не все утверждения Ястшембского могут быть приняты без критики. Его основные положения нуждаются в более детальном обосновании с опорой на архивные источники. Тем не менее книга Ястшембского – новое слово в зарубежной историографии. Перевод монографии на русский язык был бы весьма полезен.

С.В. Кретинин,

доктор исторических наук,

профессор исторического факультета

Воронежского

государственного университета

⁵ Bydgoszcz 3–4 września 1939: studia i dokumenty. Warszawa, 2008, s. 886.

Р.В. Долгилевич. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЯМЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СССР И ЗАПАДНЫМ БЕРЛИНОМ (1963–1964 гг.). СПб.: Алетейа, 2013, 152 с.

Монография представляет собой очередное звено в цикле исследовательских работ профессора Московского института государственного и корпоративного управления к.и.н. Р.В. Долгилевича, посвященных западноберлинской проблеме – одной из самых сложных и запутанных в дипломатической практике и истории “холодной войны”¹. Историк раскры-

вает ранее неизученный аспект этой проблемы. Речь идет о деятельности советских дипломатов – как в центральном аппарате МИД СССР, так и в посольстве СССР в ГДР, направленной на то, чтобы провести в жизнь тезис о непринадлежности Западного Берлина к ФРГ и признании за городом статуса “самостоятельной политической единицы”.

¹ Долгилевич Р.В. Вопрос о статусе Берлина. 1944–1990 гг. – Новая и новейшая история, 2011, № 3; *его же*. В тени берлинской стены. Экономика

Западного Берлина (1961–1965 гг.). СПб., 2011; *его же*. Советская дипломатия и Западный Берлин. СПб., 2012.

На высшем политическом уровне решить проблему Западного Берлина удалось только в 1971 г. четырехсторонним соглашением Великобритании, СССР, США и Франции, притом в порядке компромисса, выраженного формулой: “Связь между западными секторами Берлина и Федеративной Республикой Германии будет поддерживаться и развиваться с учетом того, что эти секторы по-прежнему не являются составной частью Федеративной Республики Германии и не будут управляться ею и впредь”. Это соглашение стало одним из плодов политики разрядки международной напряженности.

В период, когда до разрядки было еще далеко, компромиссные решения были, преимущественно исключением из правила и сменялись рецидивами взаимного непонимания и отчуждения. Тем не менее нельзя недооценивать попыток нахождения таких решений, которые, оставаясь в рамках “малых дел”, фактически готовили прорыв в большую политику. Такой вывод складывается у читателя книги Р.В. Долгилевича, рисующей яркую и многомерную картину борьбы за разрядку в Берлине – географическом пункте, где, казалось бы, о разрядке меньше всего можно было помышлять, где наиболее велика была вероятность опаснейшей конфронтации Запада и Востока.

Оптимальное сочетание фактологии и аналитики отражается в структуре монографии. Во “Введении” автор характеризует специфику избранной им темы, обосновывает выбор хронологических рамок ее освещения, знакомит читателя с источниковой базой труда (это в основном фонды АВП РФ) и имеющейся, весьма скудной, литературой по исследуемой проблеме. В 1-й главе “Трудное начало” раскрыты исходные позиции (“опорные пункты”), с которых советская сторона в начале 1960-х годов развернула борьбу за усиление своего присутствия в западных секторах Берлина; отмечены объективные и субъективные трудности на пути установления прямых контактов между советскими и западноберлинскими учреждениями и организациями. Следующие 6 глав посвящены направлениям, по которым развивались эти контакты. Речь идет о торгово-экономических отношениях, связях между общественными организациями, журналистами, представителями науки и образования, культуры и спорта. В 8-й главе в порядке сравнения дается характеристика позиций других социалистических стран в отношении западноберлинской проблемы. В частности, выясняется неожиданный факт: наиболее жесткую линию в данном случае проводила Югославия, руководство которой обычно выступало в роли “примиряющего посредника” между Востоком

и Западом. Наконец, в “Заключении” автор подводит итоги исследования и формулирует основные выводы. Главный вывод выглядит четко и сбалансированно: “В рассматриваемый период не удалось установить полномасштабные прямые связи между СССР и Западным Берлином. Но это не был неудачный подход к дипломатической штанге. Первые кирпичи в фундамент таких связей были заложены. Огромную роль в этом сыграло советское посольство в ГДР. Его сотрудники проявили настойчивость, терпение и находчивость при решении сложных и спорных вопросов. Важное значение имело то, что все большее число западноберлинцев понимало: прямые связи с СССР способствуют общему успокоению политической обстановки в Западном Берлине и вокруг него” (с. 148).

В ограниченных рамках рецензии нет возможности отметить все новое и значимое, что автор сумел представить читателю на страницах своего труда. Остановимся лишь на одной проблеме из тех, что ранее были известны лишь узкому кругу дипломатов; как ее пытались решать – известно еще менее. Специфика ситуации, сложившейся в разделенном Берлине, заключалась, в частности, в том, что граждане СССР имели право беспрепятственно переходить границу между восточной и западной частями разделенного города (другое дело, что далеко не всем из них советскими чиновниками это разрешалось). Однако вступить в отношения с официальными лицами в Западном Берлине или просто переночевать там советские граждане могли, лишь имея визу ФРГ или разрешение от “Союзного бюро путешествий” (СБП) – органа оккупационных властей Великобритании, США и Франции. Ни то, ни другое не было приемлемо для советской стороны, поскольку означало либо признание принадлежности Западного Берлина к ФРГ, либо признание легитимности сохранения оккупационного режима в Германии². Поэтому приходилось искать нестандартные ходы, чтобы обойти эти препоны; описание этих поисков и решений придает книге черты политического детектива.

Увлечательность изложения не означает снижения научного уровня монографии. Автор демонстрирует глубокий и сбалансированный аналитический подход, отмечая как успехи, так

² Р.В. Долгилевич допускает неточность, упоминая только о том, что СБП занималось выдачей разрешений на пребывание в Западном Берлине (с. 17): его функции были шире – оно контролировало, в частности, все выезды граждан ГДР в страны НАТО, проводя при этом дискриминационную политику. В этом заключалась причина бойкота этой организации со стороны СССР.

и неудачи попыток прорвать западную “блокаду”. При упоминании этих неудач историк возлагает вину не только на “происки врагов разрядки” на Западе, но и на бюрократические издержки, допускавшие советской стороной. Характерный пример – трактовка эпизода с организацией выступлений советских шахматистов в Западном Берлине в январе 1964 г. Шахматисты должны были прибыть в Западный Берлин транзитом из Голландии, и потому “визовая проблема” в данном случае не стояла. Однако возникли сложности: причем, как отмечает автор, “не по вине приглашающей стороны и даже не по вине западноберлинских властей”, а “из-за громоздкости и медлительности в работе советской бюрократической системы, занимавшейся организацией выступлений советских спортсменов за рубежом” (с. 130). К сожалению, авторское описание этого эпизода оставляет впечатление некоторой недосказанности: остается неясным, увидели ли все-таки западноберлинцы выступление гроссмейстера П.П. Кереса (с первоначально планировавшимися визитами М.М. Ботвинника и С.М. Флора ничего не получилось), и если да, то какова была их реакция. Большой полноты хотелось бы пожелать при характеристике иных эпизодов такого рода. Автор отмечает отрицательную реакцию “в Москве” на инициативу советского посольства по приглашению в СССР директора западноберлинского фестиваля музыки и театра Н.Д. Набокова (с. 146), однако читатель остается в неведении, что речь идет о композиторе, писателе и театральном деятеле, русском эмигранте и гражданине США. Здесь была бы уместна ссы-

лка на воспоминания советского дипломата Ю.А. Квицинского, который подробно описывает свои встречи с этим представителем первой волны русской эмиграции и, кстати, отмечает, что в конце концов поездку Набокова в СССР удалось организовать³.

С некоторыми высказываниями автора трудно согласиться. На чем, например, основано мнение, что СССР был лучше информирован о положении в Западном Берлине, чем власти ГДР (с. 85)? Разумеется, официальных контактов у ГДР с западноберлинской стороной не было, но по линии органов госбезопасности ГДР информации поступало, очевидно, вполне достаточно. Впрочем, освещение такого рода связей не входило в задачу автора.

В целом новая монография Р.В. Долгилевича представляет собой значительный вклад в освещение западноберлинской проблемы и подтверждает репутацию автора как лучшего в России знатока ее истории. Можно лишь пожелать историку дальнейшего успешного продолжения его изысканий в этой области – доведя их, по крайней мере, до 1971 г., когда было заключено четырехстороннее соглашение по Западному Берлину.

А.М. Филитов,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИВИ РАН

³ Квицинский Ю.А. Время и случай. Записки профессионала. М., 1999, с. 234–241.

М.В. Ковалев. РУССКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ В ПРАГЕ (1920–1940 годы). Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012, 408 с.

Рецензируемый труд – первая большая монография лауреата золотой медали и премии молодым ученым РАН, доцента, заведующего кафедрой, заместителя декана Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина к.и.н. М.В. Ковалева. В его основу положена кандидатская диссертация “Научный быт русских историков-эмигрантов в Праге в 1920–1930-е годы”, защищенная в 2009 г. Автор привлек к изучению широкий круг источников и литературы. Среди источников большой массив документов из архивов России, Чехии, Эстонии и других стран. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. М.В. Ковалев прекрасно ориентируется в обширной литературе по истории русской

эмиграции. Обзор источников и литературы, представленный в книге, выполнен на высоком профессиональном уровне. Автор хорошо ориентируется в обширной эмигрантоведческой литературе на многих языках, часто к месту цитирует своих предшественников, нередко полемизирует с ними, исправляя на документальной базе их ошибки и неточности.

Поставив целью выявить и осветить особенности повседневной жизни и научного быта, специфики организации работы русских историков-эмигрантов в Праге, М.В. Ковалев разделил монографию на три главы.

В первой главе – “Русские ученые и чешское культурное окружение” – автор рассказал о культурных и бытовых условиях жизни рус-